

Юрий Костяшов
(Калининград)

СЕРБЫ ГЛАЗАМИ РУССКИХ В КОНЦЕ XVII — XIX ВЕКЕ

Выявлены истоки некоторых устоявшихся идеологических стереотипов, связанных с представлениями о сербах в России конца XVII — XIX века и их политической и экономической жизнью. Показаны, с одной стороны, искаженные представления о сербах, обусловленные в значительной мере идейными настроениями, царившими в это время в российском обществе, а с другой — ложность взглядов на то, как в Сербии воспринималась Россия.

Ключевые слова: Сербия и сербы XVII–XIX веков, Турция, Австрия, Россия, Балканы, православие, российская дипломатия, славянофильство.



Бесма редкие до конца XVII века русско-сербские контакты в основном были связаны с приездами в Россию представителей сербского духовенства для сбора милостыни (такое право со времен Ивана IV получили несколько сербских монастырей) [10; 7, с. 16–42].

Активизация восточной политики при Петре I способствовала пробуждению в России интереса к славянскому вопросу. С началом Венской войны (1683–1699) в Москву пошел поток обращений от балканских народов с проектами самого разного свойства. В 1688 году патриарх Печский Арсений III Черноевич отправил в Россию архимандрита Исайю, дабы призвать русских царей Ивана и Петра к выступле-



нию против Турции. При этом он предлагал объединить православные народы на Балканах в одно государство со столицей в Константинополе, разумеется, под началом русского самодержавия. В Москве Исайя заручился обещанием помощи, получил совет никого не признавать и никому не покоряться и в качестве залога будущего сотрудничества увез для патриарха несколько тысяч золотых монет, которые, впрочем, по его словам, были у него на обратном пути конфискованы австрийцами [5, с. 160–161, 165–166].

Великое переселение сербов 1690 года в Австрию [14, с. 38–46] заставило патриарха поменять свою позицию относительно перспектив образования на Балканах православного царства. С этого времени сербы пытались заручиться покровительством России перед лицом новых хозяев – венгерских и австрийских властей. Российский посланник в Вене К.Н. Нефимонов неоднократно сообщал в Москву о визитах к нему Арсения Черноевича, который «со слезами говорил о разорении святых церквей... от римских бискупов, пуще де нежели от басурман», о навязывании сербам унии, так что им стало хуже, чем под турками, которым «хотя дань давали, а насилия и гонений в вере от них не было» [21, стб. 113, 305–308].

Во время Карловицкого конгресса (1698–1699), в котором участвовал петровский посланец думный дьяк П. Б. Возницын, были установлены постоянные контакты русских дипломатов со светскими и духовными лицами Сербии. Арсений III выступал в качестве негласного посредника в переговорах России и Турции, а П. Б. Возницын, со своей стороны, ходатайствовал перед австрийским двором о привилегиях для патриарха, освобождении из заключения сербского предводителя Георгия Бранковича, о правах и вольностях сербов, ставших австрийскими подданными [21, т. 8, стб. 113, 455; т. 9, стб. 149, 165–167, 513–517, 534–535, 546–547, 576].

Близкое знакомство с сербами в эти годы привело к тому, что русская дипломатия впервые стала рассматривать их в качестве отдельного народа в общей массе православного населения Балкан. В России в начале XVIII века побывало большое количество духовных и светских лиц, благодаря которым представления о сербах были существенно расширены. В частности, стоит назвать дьякона Симеона, который, как можно предположить, был допрошен в Посольском приказе и оставил интересное описание Сербии. В нем среди прочего говорилось, что, подобно Великой, Малой и Белой Руси, страна разделена и «нарицается Сербия, Босния, Далмация и Арбанасы». Она простирается



до Белого моря, «вельми изобильна хлебом и овощем, и виноградом, и рыбою, и медом», а также «весела и красовита»: в ней есть леса, пустые обитатели, горы, «разселины каменные» и т. д. [20, с. 366.]

Важные данные о положении сербов по обе стороны австро-турецкой границы предоставили посетившие Москву в 1702–1704 годах капитан Пантелеймон Божич — уполномоченный от сербов, которые «живут в Венгерской земле под цесарем», и Савва Рагузинский-Владиславич. Последний был принят самим царем и поступил на русскую службу, став потом выдающимся российским дипломатом [6; 17, с. 24–26; 2, с. 25].

Поступавшие по разным каналам информации сведения о сербах создавали при русском дворе весьма привлекательный образ дружественного православного народа, пострадавшего от многовекового османского владычества, но, тем не менее, не смирившегося со своей участью и готового сражаться за свою независимость вместе с Россией и «наишаче русского царя любящего».

Это мнение еще больше укрепилось благодаря поступавшим в Санкт-Петербург в течение всего XVIII века проектам по подготовке восстания против Турции на Балканах. Несколько таких проектов переправил ко двору российский посол в Вене А. А. Матвеев. Особенно привлекательно выглядел план создания на Балканском полуострове полумиллионного войска из сербов и других православных народов, с помощью которого царь изгнал бы из Европы турок. При этом особый упор делался на дешевизну проекта: «Токмо б дать тем народам воинские припасы и генерала какого, который б ими управлял и в добрый порядок их приводил» [23, ф. 32, оп. 1, д. 5, ч. 2, л. 475–476].

Самый масштабный из этих проектов полвека спустя был представлен Екатерине II майором И. М. Подгоричани. В нем автор обещал для борьбы с Турцией на вербовать до 50 полков и легионов и даже больше, если «войска вперед пойдут». Проект, как и все прочие, остался на бумаге, зато автор дослужился в России до звания генерала [23, ф. 15, оп. 1, д. 179, л. 1–12].

Еще одним источником знаний о сербах были многочисленные послания, адресованные в Россию. В Петербург шел непрерывающийся поток писем с жалобами на притеснения сербов мусульманами в Турции и католиками в Австрии, просьбами прислать книг, учителей, принять на обучение сербских юношей, помочь деньгами на строительство православных храмов и т. д. Можно сказать, что в XVIII веке у сербов сложился своего рода литературный жанр — «жалоба русскому



царю», за столетие не претерпевший существенных изменений. Типичная «жалоба» состояла из трех обязательных элементов: 1) описания злодеяний иноверцев по отношению к православным (обычно это была самая пространная часть обращения, в которой авторы соревновались друг с другом в живописании наиболее ужасных подробностей притеснений, часто довольно фантастических); 2) заверения в любви и верности российскому монарху (в этой части сдержанность и лаконичность тоже были неуместны); 3) заключительная часть послания (с конкретными просьбами о помощи, в том числе, конечно, и финансовой).

Многие из этих жалоб докладывались на самый верх. По указу императрицы Елизаветы Петровны в 1757 году был составлен реестр жалоб австрийских сербов, занявший пять страниц. В них речь шла о религиозных притеснениях — попытках навязать унию с католической церковью. Среди главных обвинений фигурирует якобы принятый Габсбургами закон, по которому противящиеся принятию унии сербы приговаривались к казни через повешение или четвертование. Помимо этого в реестр были включены жалобы на препятствия в проведении православной литургии, суть которых заключалась в том, что в сербские церкви католики «приходят с заряженными ружьями», не стыдятся «на алтаре взлазить и разные непотребства чинят», совершая развратные действия, каковые «и в законных супружествах не дозволяются» и т. п. [1, ф. 32, оп. 1, д. 7-с, л. 169—173 об.].

Стоит отметить, что в такого рода жалобах практически никогда не указывалось конкретное место и время совершения описанных преступлений. Но все эти подробности так поразили воображение отзывчивой Елизаветы Петровны, что она решилась на дипломатический демарш в виде ноты протеста венскому правительству. Не вдаваясь в детали критики «жалоб русскому царю» как исторического источника, который грешит, мягко говоря, большими преувеличениями, следует подчеркнуть, что эти тексты стали одним из главных факторов формирования в России устойчивого представления о невыносимых условиях, в которых под натиском мусульман и папезистов находились сербы и в Турции, и в Австрии.

Нельзя не сказать и о таком существенном источнике информации, как донесения русских дипломатов в Турции и Австрии о положении сербов, интерес к которым был очень неравномерным: многое зависело от личных пристрастий послов. Так, служивший в Вене 30 лет поляк и католик Л. Ланчинский годами не вспоминал о сербах [15], а



вот М. П. Бестужев-Рюмин, бывший послом во время массового переселения сербов в Россию в середине XVIII века, считал эту тему главной. Наиболее объективная информация о сербских проблемах поступала от выдающегося дипломата елизаветинского и екатерининского времени Г. Кейзерлинга, который, кстати, получил образование в Кёнигсберге [16].

Если обобщить позицию русских дипломатов XVIII века по данному вопросу, она сводилась примерно к следующему: России не стоит слишком усердно ратовать за сербов (как в Турции, так и, особенно, в Австрии), потому что этот частный, но болезненный вопрос может только испортить или осложнить отношения с главными контрагентами России в международных отношениях.

Если донесения дипломатов были известны сравнительно узкому кругу людей, причастных к руководству внешней политикой, то просвещенная российская публика черпала знания о сербах из книг, первой среди которых стало «Краткое введение в историю происхождения славяно-сербского народа» Павла Юлинца [13], а также из трудов Захария Орфелина, четырехтомной «Истории разных славянских народов» архимандрита Йована Раича и других работ. Стоит подчеркнуть, что самые значимые из них были созданы и напечатаны при непосредственном участии России.

Близкое знакомство русских с сербами произошло во время Первого сербского восстания против Турции 1804—1813 годов, которое не просто хронологически совпало с Русско-турецкой войной 1806—1812 годов, но и, в каком-то смысле, стало ее частью. Именно в эти годы в российской прессе появилось немало публикаций о сербах. Так, журнал «Вестник Европы» из номера в номер публиковал сообщения о происходящем на Балканах, нередко перепечатывая материалы из европейских изданий. При этом в характеристике сербов всегда подчеркивались не только их страдания под властью иноверцев, но и стремление к свободе и немалый военный потенциал, что делало их естественными союзниками России в противоборстве с Портой.

В публикации «Вестника Европы» за 1808 год, посвященной вождю восстания Карагеоргию, говорилось о «храбрых сербах», которые «давно обратили на себя глаза Европы». Далее подчеркивалось, что до недавнего времени они были народом «смирным и совсем невоинственным», однако, начав борьбу с угнетателями, стали непобедимыми, презирающими опасности и «приводящими в трепет своего неприятеля». Причину произошедших изменений автор публикации видел



в тяжести турецкого деспотизма, которая «превзошла меру их терпения»: сербы изгнали из своей страны басурман, показав себя отличными воинами — «деятельными, быстрыми, искусными, одушевленными мщением и патриотизмом» [3].

Иной была интонация при описании сербов во внутренней дипломатической переписке. Характерный пример — донесение дипломатического агента в Сербии К.К. Родофиникина генерал-фельд-маршалу А. А. Прозоровскому 9 ноября 1807 года с анализом положения в лагере повстанцев.

Дипломат отмечает, что за время турецкого господства сербы оказались поработаны «до высочайшей степени», вследствие чего у них «не было даже следов просвещения», зато имелось «немалое число разбойников». Именно последние, по мнению Родофиникина, «принудили народ восстать... и взяли поверхность (верх. — Ю.К.)». Из их среды, по его словам, и вышло большинство повстанческих командиров, которые, «кроме личного интереса, ничего более не понимают». Вместе с тем дипломат уверяет, что народ сербский «весь привержен к России» и на нее одну «возлагает всю свою надежду». Если бы не эти надежды, говорится в донесении, большая часть повстанцев убежала бы в Австрию, хотя они «австрийцев не любят нимало» [22, с. 431 — 432].

Настоящей бедой, по мнению автора донесения, являются несогласия и раздоры между командирами, духовенством и рядовыми повстанцами, однако, несмотря на все споры, «сербы успели туркам вперить великий страх». Что же касается интересов России, то в случае возобновления военных действий с османами «можно извлечь от сербов немалую пользу», так как предводители восстания охотно примут участие в войне в надежде «обогатиться грабежом турецких селений и городов». Всё, что нужно России, — руководить ими, «удерживая, поколику возможно, от зла». В заключение Родофиникин честно предупреждает, что все расходы по снабжению сербского войска придется нести российской стороне, так как собираемые здесь доходы оседают «в карманах сербских поглаварей», а у них «никогда нет ни копейки на нужные издержки» [22, с. 432 — 433].

Наконец, последний существенный источник информации о сербах — это записки русских путешественников, в разное время посещавших сербские земли под властью Турции и Австрии и отличавшихся непредвзятостью и искренней симпатией к своим единоверным братьям. Об этом писали паломник В.Г. Григорович-Барский [24, с. 24 — 28], Иероним Фальковский («Народ сей — простосердечный, ве-



сельный, храбрый и наипаче россиян любящий») [4, с. 15–16]. Историк-славист В. И. Ламанский записал услышанную им сербскую народную песню об осаде Вены в 1683 году, в которой прямо говорилось, что одержанной над турками победе Европа была обязана не польскому монарху Яну Собескому, а «москову кралю» [18, с. 22–23]. Другой славист В. В. Качановский обнаружил в одном из фрушкогорских монастырей большой портрет Петра I и записал сербское предание о благодеяниях русского царя, кои будто бы последовали от него во время «тайного посещения» им сербских монастырей [11, с. 17–19; 12, с. 90–92].

Что еще отмечали русские путешественники? В сербских землях под властью Австрии (в нынешней Воеводине) их неизменно удивляли хорошо спланированные и застроенные регулярно городские поселения, уютные села с добротными крестьянскими подворьями, ухоженными садами, полями и виноградниками. Им бросалась в глаза необычная для православных храмов «латинская» архитектура, поражал внешний вид здешнего духовенства, далекий от канонов русской церкви: священники брили головы, носили «французское платье», парики, обсыпанные пудрой, употребляли табак [9, с. 87–88]. Всё это были приметы той трансформации, которую пережили сербы вследствие их европеизации под властью Габсбургов. Свидетельства путешественников давали, пожалуй, наиболее адекватную информацию о сербах по обе стороны австро-турецкой границы, но, к сожалению, не они делали погоду.

В XIX веке, особенно во второй его половине, в отношении сербов возобладали славянофильские взгляды. Их, в частности, исповедовал великий князь Александр (будущий царь Александр III), активными сторонниками славянофильских идей были некоторые руководители российского МИДа и видные дипломаты — П. Н. Стремоухов, граф Н. П. Игнатьев (посол в Стамбуле), Е. П. Новиков (посол в Вене), русские консулы в Белграде, Мостаре, Сараево, Дубровнике, Шкодере, Риеке. Некоторые из них были яркими публицистами, много писали и печатались в России, как например, И. С. Ястребов — консул в Призрене в 1870–1886 годах. Во многом именно благодаря этим людям в России формировались несколько идеализированные, упрощенные, а иногда и вовсе далекие от реальности представления о положении сербов и их чаяниях.

По сути, эти представления зиждились на двух основополагающих мифах: во-первых, о якобы невыносимом угнетении народа со стороны иноземных властей и, во-вторых, о присущей будто бы сербам го-



товности по первому призыву встать под знамена единоверного русского царя для борьбы с общим врагом. Увы, эти иллюзии (не только в отношении сербов, но и других православных балканских народов) дорого обошлись России, так как именно они стали одной из главных причин неудач русской внешней политики на Балканах в XIX веке.

Эту коллизию лучше всего проиллюстрировать воспоминаниями князя В. П. Мещерского, яркого сторонника самодержавия и столь же непримиримого противника западных, либеральных ценностей, издателя ультрареакционной газеты «Гражданин». Он писал о своей поездке в Сербию в 1876 году, куда направился, чтобы, как он выразился, «девать куда-нибудь свой славянофильский пыл».

В Сербском княжестве он рассчитывал застать всех от мала до велика, как он пишет, «в настроении умиления и благодарной любви к России», но нашел нечто прямо противоположное: в высших кругах — «ни одного сердечного тона», «только холодные отголоски расчета». Не услышал Мещерский «патриотических излияний» и в беседах с мирными селянами. Везде ему повторяли, что «о турках не было ни слуха ни духа», «никто их не обижал», «жилося им хорошо». Что же касается прибывших на войну с басурманами тысяч русских добровольцев, те, по отзывам крестьян, замучили их своими требованиями: «даром возить заставляют» и «берут с них контрибуции». Взирая на «окрестные довольства и благополучия» местного населения, отмечая, что в сербах не было ни капли ненависти к турецким угнетателям, которой «мы на берегах Невы так кипели», князь приходит к выводу, что в этих речах простых крестьян были слышны «отголоски живой правды», которая резко контрастировала с «возвышенной» и воинственной славянофильской атмосферой в Петербурге [19, с. 361 — 367].

Еще более резко и откровенно В. П. Мещерский высказался на этот счет в письме к будущему самодержцу Александру III: «...люди, начавшие войну в Сербии, не имели к тому другой причины, как расчет на Россию, то есть посредством России добыть себе кое-что, и притом расчет холодный, эгоистический, расчет, основанный не на уважении и не на сочувствии к нам, а на простой мысли, что мы, дураки, дадим свои деньги и подставим свои лбы в их пользу, а потом уберемся во свояси» (цит. по: [8, с. 81]).

Приведенные в данной статье факты свидетельствуют о том, что нужным и важным для россиян и сербов отношениям и связям в прошлом нередко мешали мифы и стереотипы, которые не изжили себя и сегодня среди части русского общества и его политического класса.



Список литературы

1. *Архив* внешней политики Российской империи.
2. *Богоявленский С. К.* Из русско-сербских отношений при Петре I // Вопросы истории. 1946. №8—9. С. 19—41.
3. *Георгий* Петрович Черный, предводитель сербов // Вестник Европы. 1808. Ч. 12. №23—24. С. 164—165.
4. *Димитријевић С.* Грађа за српску историју из руских архива и библиотека // Споменик Српске Краљевске Академије (ССКА). 1922. Бр. 53. С. 3—329.
5. *Димитријевић С.* Одношаји патријарха пећких са Русијом у XVIII веку // Глас Српске Краљевске Академије. 1901. Бр. 60. С. 3—269.
6. *Дичић Ј.* Један Србин дипломат на двору Петра Великог и Катарине I. Сарајево, 1969.
7. *Документи* који се тичу односа између српске цркве и Русије у XVI веку // ССКА. 1903. Бр. 39. С. 16—42.
8. *Дронов И. Е.* Князь Владимир Петрович Мещерский // Вопросы истории. 2001. №10. С. 57—84.
9. *Истрин В. М.* Русские путешественники по славянским землям в начале XIX в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. Новая серия. Ч. 41, №9, отд. 2. С. 78—109.
10. *Каптерев Н. Ф.* Приезд в Москву за милостынею сербских иерархов. М., 1891.
11. *Качановский В.* Петр Великий в Сербии // Древняя и Новая Россия. 1879. Октябрь. С. 17—19.
12. *Костић М.* Култ Петра Великог код Руса, Срба и Хрвата у XVIII веку // Историјски часопис. 1958. Бр. 8.
13. *Костяшов Ю. В.* Неизвестные страницы жизни сербского просветителя XVIII в. Павла Юлинца // Вестник МГУ. Сер.: История. 1994. №3. С. 40—49.
14. *Костяшов Ю. В.* Переселение сербов в Австрию во время Великой Турецкой войны // Сербские научные исследования — 2012. М., 2013. С. 38—45.
15. *Костяшов Ю. В.* Российский посланник в Вене Людвик Ланчинский (1721—1757) // Проблемы истории международных отношений в новое время. Смоленск, 2002. С. 150—158.
16. *Костяшов Ю. В.* Российский посол в Вене Кейзерлинг и сербы // Проблемы славяноведения. Брянск, 2002. Вып. 3. С. 39—48.
17. *Кочубинский А. А.* Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами. М., 1872.
18. *Ламанский В.* Сербия и южно-славянские провинции Австрии. СПб., 1864.
19. *Мещерский В. П.* Воспоминания. М., 2001.
20. *Неизвестный* рассказ дьякона Симеона о Сербии начала XVIII в. / публ. В. А. Кучкина // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 359—367.



21. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1867. Т. 8—9.
22. Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия : сб. документов. М., 1980. Кн. 1.
23. Российский государственный архив древних актов.
24. Странствования В. Григоровича-Барского по святым местам Востока. СПб., 1885. Ч. 1.

Yuri Kostyashov

SERBS AS SEEN BY RUSSIANS IN THE LATE 17TH/19TH CENTURY

This article identifies the origins of some ideological stereotypes relating to the perception of Serbs in Russia in the late 18th/19th century and their political and economic practices. It is shown that, on the one hand, the image of Serbs was largely distorted by ideas prevalent in the Russian society at the time and, on the other hand, Russians were ill-informed about the perception of Russia in Serbia.

Key words: *Serbia and Serbs in the 18th/19th century, Turkey, Austria, Russia, Balkans, Orthodoxy, Russian diplomacy, Slavophilia.*